Триангуляция

Ева Фридрих

г. Мюнхен, Германия

Развитие теории триангуляции (концепции отношения «трех личностей») связано с исследованием роли отца как «третьего объекта», о котором у маленького ребенка уже довольно рано складывается особое внутреннее представление, необходимое ему для формирования структуры личности. До этого психоаналитическая психология развития рассматривала роль отца в первые два года жизни младенца скорее как незначительную. Отец не видел своего малыша ни по утрам, когда ребенок еще спал, ни по вечерам, когда ребенок уже спал. По выходным же ребенок вообще мешал отцу.

В современном психоанализе закономерности роли отца в раннем детстве прослеживает Ernst Abelin, сотрудник Маргарет Малер, проводивший в Masters Children's Center в Нью-Йорке непосредственное наблюдение детей, начиная с первых месяцев жизни вплоть до третьего года жизни [1]. Он выделяет пять стадий или позиций в значении роли отца на ранних этапах развития ребенка:

1. Отец приобретает существенное значение в психическом развитии ребенка уже на самых ранних этапах развития. Первая реакция младенца на отца – обращенная к нему улыбка. Она появляется хотя и несколько позже, чем улыбка, обращенная к матери, но тоже на первом году жизни, а именно – на *симбиотической* фазе между 5 и, самое позднее, 9 месяцем жизни.

2. На фазе *дифференциации* связь с отцом увеличивается. Растет интерес ребенка к миру, который отличается от мира матери. С этого момента можно говорить о начале ранней триангуляции.

3. Ранняя триангуляция означает способность ребенка к одновременным отношениям с двумя людьми. Принятие и интериоризация третьего объекта является предпосылкой переживаемого представления о разделенности за пределами симбиотического единства.

4. «В отношениях ребенка к отцу и к матери, а также к их отношениям друг с другом стабилизируется структура *Я-САМ (Self)* в качестве разделенного единства» [2]. Тем самым ранняя триангуляция создает предпосылки для внутреннего освобождения от матери и для последующего вступления в эдипальную триангуляцию.

5. Если первые шаги триангуляции, по мнению E. Abelin [1; 2], начинаются на фазе *дифференциации*, то своей кульминации ранняя триангуляция достигает на фазе *нового сближения (rapprochement)*, когда происходит консолидация репрезентативного мира. При условии, что интрапсихическая триангуляция будет способна выдерживать определенную нагрузку, ребенку удастся добиться легирования (связывания, сплавления) «плохих» и «хороших» частичных (парциальных) объектов в один целостный объект с преобладающей либидонозной валентностью. В противном случае в результате будет только расщепление на «любовь» и «ненависть», раскол на «плохое» и «хорошее».

Неминуемые разочарования подрастающего ребенка в матери обуславливают ненависть, которую ребенок не может проявить непосредственно (кризис *нового сближения (rapprochement)* по М. Малер).

«Здоровый» ребенок обращается в таких случаях к отцу, который 1) удовлетворяет потребность ребенка в контакте; 2) демонстрирует через свое отношение с матерью модель того, что отношения с ней возможны даже при разочаровании в ней; 3) делает возможным ситуацию, когда мать тоже иногда может стать исключенным третьим, что соответствует чувству мести по

отношению к отказывающей матери. Если мать может вынести такое исключение, то она переживается ребенком одновременно и как мать, которая справляется с ненавистью, а не уничтожается ею.

Отношения с отцом позволяют развиваться новому отношению к матери на более высоком, интегрирующем ненависть уровне. Обращение к отцу из-за разочарования матерью является особо критическим моментом.. Здесь, в случае соответствующей травматизации, может произойти фиксация в триангуляции [3]. Развитие может застрять на примитивном расщеплении между миром себя самого (миром *Self*) и миром объекта. Такое развитие знает только двух протагонистов: *Я* и *ОТЕЦ* или *Я* и *МАТЬ*, но не *Я* в *ОТНОШЕНИИ К ОTCY И МАТЕРИ*. Может произойти также интрапсихическая триангуляция определенных объектных отношений.

В случае неудачи триангуляции эдипальное развитие каких-либо отношений с кем-то третьим переживается как уничтожающее предательство. При пограничных личностных нарушениях по типу Borderline и в случае нарциссического развития личности это соответствует конфликту лояльности. В случае предательства возникает угроза уничтожения третьего объекта. Если развиваются трехсторонние межличностные отношения на почве ревности, то третий объект на время исключается.

Отсутствие полноценной ранней триангуляции грозит опасностью фиксации объектных отношений на уровне паразитарных диадических отношений в симбиозе «ребенок-мать». В последующей жизни таким людям, например, трудно жениться или выйти замуж, т.к. для них совершенно невыносимо, что их «половина» даже обмолвится словом или перекинется взглядом с кем-то «другим». Отсутствие опыта триангуляторных отношений может стать причиной супружеских измен мужа. Если жена в ситуации беременности распределяет свою любовь и эмоциональное внимание между мужем и будущим ребенком, то это может стать невыносимым для привыкшего к диадическим отношениям мужа, и он будет искать отношений «на стороне», которые будут посвящены только ему. Этим же можно объяснить снижение полового влечения у женщины после наступления беременности – она не научилась делить свою любовь с кем-то «третьим» на стадии ранней триангуляции.

Если интрапсихическая триангуляция будет достигнута, ребенок будет способен к *перекрестной идентификации (cross-identification)*, т.е. к взаимной идентификации с эмоциональным миром объекта, которой уже не могут помешать инстинктивные процессы. При этом ребенок одновременно уверен, что и объект делает то же самое в ответной идентификации и прочувствовании с чувствами, желаниями и потребностями субъекта. Способность поставить себя на место другого человека, «почувствовать себя в его шкуре» образно отражает суть *перекрестной идентификации (cross-identification)*. Ядро ее закладывается в преэдипальный период, а своей кульминации *перекрестная идентификация (cross-identification)* достигает на эдипальной фазе, расширяясь до *перекрестной идентификации (cross-identification)* с *первосценой*.

Д.В. Винникотт так описывает удачную эдипальную триангуляцию, в результате которой для ребенка становится возможной *перекрестная идентификация (cross-identification)*: «Можно сказать, что способность человека *быть одному* зависит от его способности справляться с чувствами, вызванными *первосценой*. В *первосцене* наблюдаются или воображаются сексуальные отношения между родителями. Здоровым ребенком эти отношения принимаются, так что с ненавистью удается справиться и поставить ее на службу мастурбации.

При мастурбации ребенок берет на себя всю ответственность за сознательные и бессознательные фантазии, как если бы третий человек был включен в тройственные или треугольные отношения. Способность быть в таких условиях одному предполагает определенную зрелость в эротическом развитии, генитальную потенцию и соответствующую женскую готовность принять. Способность быть одному предполагает легирование (связывание, сплавление) агрессивных и эротических импульсов и представлений, а также способность вынести амбивалентность чувств. Одновременно со всем этим индивид, конечно же, должен быть способен идентифицировать себя с обоими родителями» [13, с. 39].

Как же происходит становление триангуляции, и что изменяется в эдипальной ситуации, если триангуляция развилась в недостаточной мере?

Триангуляция начинается со становления автономии, которая, в свою очередь, по Д.В. Винникотту, соответствует креативности. Автономия может развиваться, если ребенок способен двигаться маленькими шагами от максимальной зависимости (омnipотенции) в сторону креативной самостоятельности (реальности). Ребенок начинает приобретать самостоятельность через переходные феномены и переходные объекты, т.е. благодаря появлению отношения к объекту [12]. Состояние, когда ребенка разделяют с родителем и оставляют одного, сменяется активным пребыванием в одиночестве. Следующий шаг – это *перекрестная идентификация (cross-identification)*, т.е. способность проникнуться в переживания другого человека и знать, что другой делает то же самое, причем ребенок при этом уже больше не ориентирован на переходные объекты [13]. Субъект и объект теперь разделяются. Д.В. Винникотт, который прямо не говорил об отце как о третьем объекте, включал его все же в понятие *использования объекта (object-usage)*.

Разрушение объекта, считает Д.В. Винникотт, ведет к его восприятию. При этом разрушение это только потенциальное, оно не сопровождается гневом и яростью. Это агрессия в любви, без чувства вины, потому что субъект знает, что объект переживет нападение. Ребенку доставляет удовольствие, что объект всякий раз «остается жив» после «нападок» на него. В этой связи Д.В. Винникотт приводит пример, как младенец радовался, когда он сбрасывал на пол шпатель терапевта, а тот каждый раз его поднимал и снова возвращал на стол [11]. Д.В. Винникотт также относит раннюю триангуляцию к первому году жизни, правда, не используя этот термин.

В ходе дальнейшего развития ранняя триангуляция приводит к эдипальной триангуляции, на которой ненависть интегрируется *перекрестной идентификацией (cross-identification)*. Отец при этом необходим для того, чтобы ребенок мог 1) освободиться от матери; 2) интегрировать фрустрационную ненависть.

Почему же столь важное значение придается развитию на фазе *нового сближения (rapprochement)*? Благодаря прямохождению, развитию мышления, появлению слова «нет», построению репрезентантного мира и, соответственно, концептуального внутреннего мира, становится возможным автономное развитие и тем самым внутреннее отделение от матери. Однако новоприобретенная независимость означает одновременно также болезненное сохранение и поддержание разделенности с матерью. Начинается вечная борьба человека против слияния с матерью, с одной стороны, и против изоляции (автаркии), с другой стороны. Страх расставания с матерью на фазе *нового сближения (rapprochement)* вбирает в себя самые ранние страхи разделения: страх

потери объекта, страх потери любви объекта, страх кастрации.

Во время кризиса *нового сближения (rapprochement)* ребенок колеблется между стремлением удалиться, убежать от матери (дезидентификация) и отчаивавшимся цеплянием за мать (амбитенденция). Задача развития заключается здесь в научении обращаться с освобождающейся агрессией (яростью из-за того, что мать более не является продолжением, расширением *собственного Я – Self*), а также со страхом разделения. Если эта задача решается оптимально, то образ (имаго) матери заполняется (катексировается) при разделении болью и печалью. При этом сохраняется надежда, что мать вернется. При неблагоприятном развитии после «разделения» создается опасный образ матери. В движении от матери и к матери («туда – сюда») ребенок испытывает при приближении к ней угрозу, возникает страх быть «вновь проглоченным» – метафора страха потери *Я* при регрессии, страха потери автономии *Я* и потери самоидентичности. В борьбе за разделение и становление самостоятельности отец теперь важен для ребенка как не столь амбивалентно заполненный (амбивалентно катексированный) объект, каким является мать. Отец теперь нужен ребенку в своем «не конаминированном» качестве. А мать, как отмечает в этой связи М. Ротманн, «...больше всего любят как первый и важнейший объект любви каждого человека, но одновременно и больше всего ненавидят из-за неминуемых разочарований и расставаний с ней» [10]. Расставания с отцом протекают значительно менее драматически, чем расставания с матерью.

Образ матери (*имаго* матери) дифференцируется из симбиотического дуализма (двуединства) ребенка и матери. Образ отца (*имаго* отца) надвигается на ребенка как бы из внешнего мира – словно сияющий рыцарь или спаситель от «плохой» матери, как его характеризует М. Малер. Е. Абелин также использует эту концепцию [1; 2]. По Е. Абелину, отец примером своей жизни демонстрирует безопасное отношение к первичному объекту. Он как бы проживает перед ребенком временное разделение с матерью. Отец как представитель (репрезентант) внешнего мира пробуждает в ребенке интерес к этим отношениям. С помощью исходящей от отца инициативы ребенок может найти новые возможности удовлетворения и сублимации. Идентификация с отцом означает идентификацию с его отношением к матери!

Как отмечает Н. Loewald [8], у ребенка по отношению к матери существует: 1) позитивное либидинозное отношение, которое вырастает из первичного нарциссизма; 2) негативное, отвергающее отношение, возникающее из страха и боязни перед материнским лоном (the womb), т. е. перед погружением обратно в изначальное неструктурированное состояние первичной идентичности с матерью. С президипальным отцом ребенок вступает в крайнюю, утонченную (экзотичную) мужскую идентификацию, дающую ему мощную защиту от матки, материнского лона (1); с отцом устанавливаются отношения защиты против отцовской угрозы кастрации (2).

Phyllis Greenacre [5] также считает, что та роль, которую отец играет в первые два года жизни ребенка, недооценивается. Она подчеркивает его значение для развития моторики, освоения пространства, а тем самым и самого тела («грубые» кинестетические игры: подбрасывание вверх, вращения вокруг себя, катание на плечах). Ребенок получает возможность идентифицировать свои собственные движения с движениями отца. Он может переживать и наслаждаться иллюзией, что он такой же большой и активный. Это состояние может еще более усиливаться благодаря одновременному знанию, что на самом деле он маленький, но скоро будет такой же большой, как отец. Тем самым ребенок способен вынести, пережить свою реальную, актуальную слабость.

Здесь Р Greenacre проводит параллель с «достаточно хорошей (*good enough*) матерью» (Д.В. Винникотт), которая благодаря своему активному приспособлению к потребностям ребенка создает у него omnipotentную иллюзию, что грудь (т. е. мать в ее питающей и ухаживающей функции) является частью ребенка [12]. Парадокс происходящего заключается в том, что ребенок только тогда сможет пережить и вынести разрушение иллюзии своего omnipotentного всемогущества (дезиллюзинирование), когда он сможет пережить иллюзию, что он сам «создал» внешнюю реальность, в данном случае – грудь. На более поздней фазе развития отец также опосредует иллюзию omnipotentного овладения пространством – важнейшую предпосылку последующего адекватного отношения к реальности.

Если же отец, напротив, играет с ребенком без обоюдной радости и удовольствия (неэмпатически), то, считает Р. Greenacre, возникает опасность сверхстимуляции с разрушением взаимопонимания между отцом и ребенком. Следствием этого может стать преждевременная генитальная стимуляция, которая будет ассоциироваться с ощущением своей слабости, подчиненности, незначительности, что, в свою очередь, может привести к нарушению последующей сексуальной жизни [5].

Многие французские психоаналитики – J. Lacan, P. Ricoeur, S. Lebovici, R. Cremieux, A. Le Gall – приписывают отцу важную роль при переходе от превербального зеркального отражения к структурному уровню символического функционирования [7]. Такая структурная перестройка достигается благодаря механизму интрапсихической триангуляции, который предшествует последующему эдипальному конфликту. В случае психозов и пограничных нарушений по типу Borderline нормальная триангуляция отсутствует, отец неинтегрирован в отношения триангуляции в качестве третьего объекта.

Gerard Mendel в своем социо-психоаналитическом подходе представляет матриархат как инфантильную стадию развития со всемогущим образом матери [9]. Патриархальное развитие стало возможным только тогда, когда преобладающее господство матери было сломлено *образом отца*. Когда устанавливается равновесие между усиливающими *Я образами отца* и доминирующими до этого *образами матери*, может развиться новое отношение к внешнему миру и к природе. До этого отношение к силам природы определялось фаталистическим послушанием и подчинением. Отношение к миру, земле, природе, жизни и смерти определялось проекцией архаических образов матери. Природа была всеохватывающей и всемогущей матерью, которая переживалась по образцу кормящей и отказывающей в удовольствии матери из раннего детства («хорошая» и «плохая» мать). Неизменный порядок вещей и вечное повторение одного и того же считались продолжением непрерываемого материнского авторитета, который магически распространялся на все живые творения, а также на их детей.

Из этой инфантильной стадии полной психоаффективной зависимости человечество смогло вырасти только тогда, когда преобладанию и господству матери был противопоставлен *образ (имаго) отца*. G. Mendel считает, что для этого необходимы, по меньшей мере, две предпосылки. Во первых, нужно, чтобы *образ (имаго) отца* приобрел еще до наступления Эдипова комплекса определенные специфические *патернальные* признаки, на основании которых ребенок мог бы различать *образы отца* и *матери*. Вторым условием является полное любви преэдипальное отношение к отцу, которое даст возможность выносить эдипальную агрессивность. Ребенок сможет в достаточной мере интроецировать отцовские элементы и частично идентифицироваться с отцом, в

результате чего он уже больше не будет столь незащищен перед всемогущей матерью, с одной стороны, и перед страхом кастрации, с другой стороны».

Обобщая, можно сказать что проблему триангуляции следует рассматривать в широком философском контексте. Появление контрастной по сравнению с матерью фигуры отца – как третьего объекта – позволяет выработать *оптимальную дистанцию* к матери и выйти из симбиотического слияния, из системы проективных отношений, которые приводят к параноидальному искажению реальности. Получить представление об объекте можно только, посмотрев на него «со стороны». Отношения с отцом делают возможным становление объективного восприятия действительности.

Литература:

1. Abelin, E. The role of the father in separation-individuation process. In: McDevitt JB, Settlege CF (Hrsg) Separation-Individuation. Int Univ Press, New York 1971.
2. Abelin, E. Esquisse d'une théorie topothogénique unifiée des schizophrénies. Huber, Bern, 1971.
3. Ermann, M. Die Fixierung der frühen Triangulierung. Forum Psychoanal. 1:93-110, 1985.
4. Greenacre, P. The childhood of the artist: libidinal phase development and giftedness. *Psa. Study Child*, 12, 27-72, 1957.
5. Greenacre, P. (1966) Probleme der-beridealisierung des Analytikers und der Analyse. *Psyche*, 23, 611-628, 1969.
6. Kutter, P. *Moderne Psychoanalyse*. Stuttgart. Klett, 1989.
7. Lacan, J. *Ecrits*. Paris. Edition du Seuil, 1966.
8. Loewald, H. Ego and reality. *Int. J. Psycho-Anal.*, 32, 10-18, 1951.
9. Mendel, G. Die Revolte gegen den Vater. Eine Einführung in die Soziopsychanalyse. Frankfurt. Fischer, 1972.
10. Rotmann, M. Über die Bedeutung des Vaters in der «Wiederannäherungs-Phase». *Psyche*, 32: 1105-1147, 1978.
11. Winnicott, D.W. (1941) Die Beobachtung von Säugling in einer vorgegebenen Situation. In: *Von Kinderheilkunde zur Psychoanalyse*. München. Kindler, 1976.
12. Winnicott, D.W. (1951) Übergangsobjekte und Übergangsphänomene. In: Winnicott, D.W. *Von Kinderheilkunde zur Psychoanalyse*. München. Kindler, 1976.
13. Winnicott, D.W. (1958) Die Fähigkeit zum Alleinsein. In: Winnicott, D.W. *Reifungsprozeß und fördernde Umwelt*. München. Kindler, 1974.
14. Winnicott, D.W. (1971) *Vom Spiel zur Kreativität*. Stuttgart Klett, 1973.